

Виктор
Гюго

ДЕВЯНОСТО
ТРЕТИЙ ГОД
♦
ТРУЖЕНИКИ
МОРЯ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 99

Victor Hugo
QUATREVINGT-TREIZE. LES TRAVAILLEURS DE LA MER.
LE DERNIER JOUR D'UN CONDAMNÉ

Перевод с французского
Надежды Жарковой, Натальи Касаткиной, Анны Худадовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации

Эмиля Байяра, Даниэля Вьерхе, Петра Пинкисевича, Жюля Фера и др.

Гюго В.

Г 99 Девяносто третий год. Труженики моря : романы, повесть / Виктор Гюго ; пер. с фр. Н. Жарковой, Н. Касаткиной, А. Худадовой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 1040 с. : ил. + вкл. (20 с.). — (Иностранная литература. Большие книги). ISBN 978-5-389-29888-0

Виктор Гюго — один из самых известных французских писателей, автор романов «Собор Парижской Богоматери», «Отверженные», «Человек, который смеется». Произведения Гюго отмечены богатством творческого воображения, сюжеты их сложны, развязки эффектны, чувства героев сильны и трагичны. В настоящее издание вошли два романа и повесть, которые можно поставить в один ряд с самыми прославленными книгами автора. «Девяносто третий год» — последний роман Виктора Гюго, посвященный Великой французской революции. Милосердие и террор, честь и предательство, слепая вера, вызов смерти, кровавые столкновения, раскаяние, гибель и торжество — таков мятежный мир этой великолепной книги. В приключенческом романе «Труженики моря» рассказана история одинокого рыбака, который бросил вызов силам природы. Завершает книгу повесть «Последний день приговоренного к смерти», принесшая автору мировое признание.

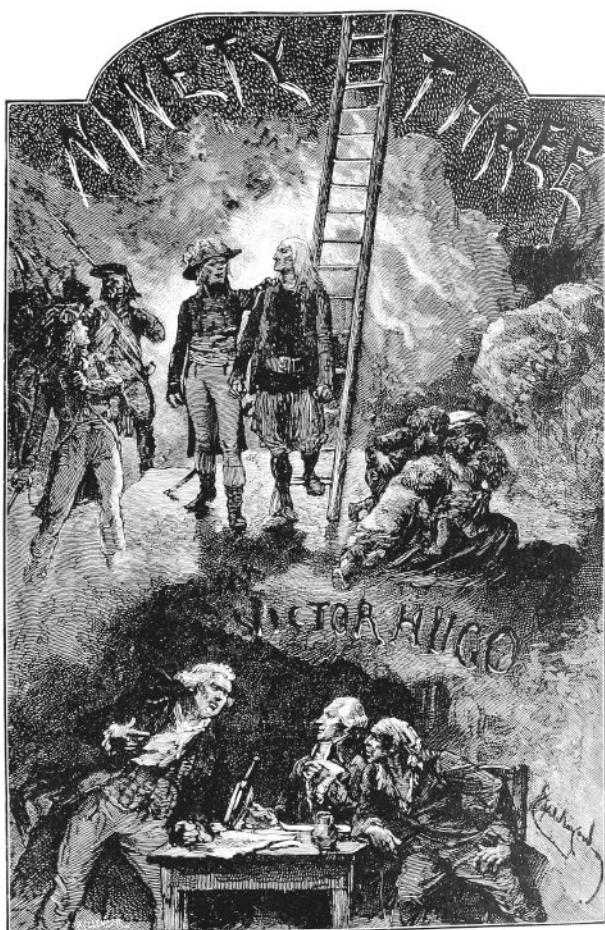
Тексты печатаются в сопровождении многочисленных иллюстраций французских художников: Эмиля Байяра, Шарля Бодмера, Гюстава Бриона, Даниэля Вьерхе, Поля Гаварни, Жюля Фера и других, а также цветных иллюстраций русского художника Петра Пинкисевича.

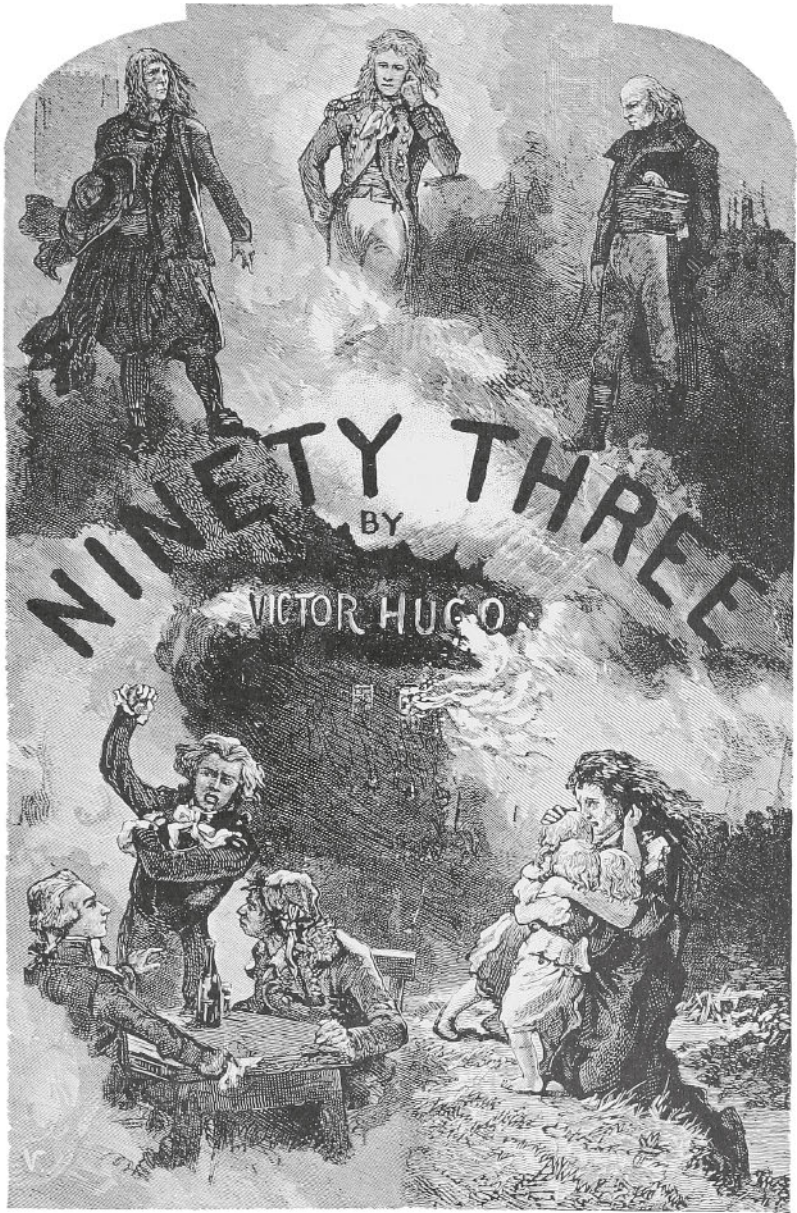
УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Н. М. Жаркова (наследники), перевод, 2025
© Н. Г. Касаткина (наследники), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление, состав.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-29888-0

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В море

Книга первая

СОДРЕЙСКИЙ ЛЕС

В последних числах мая 1793 года один из парижских батальонов, прибывших в Бретань под командованием Сантерра, вел разведку в грозном Содрейском лесу, близ Астилле. Около трехсот человек насчитывал теперь этот отряд, больше чем наполовину растаявший в горниле суровой войны. То было в те дни, когда после боев под Аргоном, Жемаппом и Бальми¹ в первом парижском

¹ Речь идет о сражениях 1792 года между французскими революционными войсками и австро-прусской армией, посланной в Париж с целью восстановления монархии. — *Здесь и далее, кроме указанных особо, примеч. ред.*

батальоне из шестисот волонтеров осталось всего двадцать семь человек, во втором — тридцать три и в третьем — пятьдесят семь человек. Памятная година героических битв.

Во всех батальонах, посланных из Парижа в Вандею, было девятьсот двенадцать человек. Каждому батальону придали по три орудия. Сформировали их в спешном порядке. 25 апреля, в бытность Гойе министром юстиции и Бушотта¹ военным министром, секция Бон Консейль предложила послать в Вандею несколько батальонов волонтеров; член Коммуны Любен сделал соответствующее представление; 1 мая Сантерр уже мог направить к месту назначения двенадцать тысяч солдат, тридцать полевых орудий и батальон канониров. Эти батальоны, созданные столь молниеносно, оказались столь удачно сформированными, что и поныне еще служат образцом при определении состава линейных рот; именно тогда впервые изменилось традиционное соотношение между числом солдат и числом унтер-офицеров.

28 апреля Коммуна города Парижа дала своим волонтерам краткий наказ: «Ни пощады, ни снисхождения!» К концу мая из двенадцати тысяч человек, покинувших Париж, восемь тысяч пали в бою.

Батальон, углубившийся в Содрейский лес, был начеку. Продвигались не торопясь. Зорко смотрели по сторонам направо и налево, вперед и назад; недаром Клебер говорил: «У солдата и на затылке глаза». Шли уже давно. Который мог быть час? Начало или конец дня? Трудно сказать, так как в здешних глухих чащобах безраздельно господствует вечерняя мгла и никогда в этом лесу не бывает по-настоящему светло.

Трагический Содрейский лес! Здесь, среди лесных зарослей, в ноябре 1792 года свершилось первое злодеяние гражданской войны. Из гибельных дебрей Содрея вышел свирепый хромец Мускетон; длинный перечень убийств, совершенных тут, вызывал невольную дрожь. Нет места страшнее. Солдаты с осторожностью углублялись в лес. Все было в цветении; вокруг смыкалась колеблющаяся завеса ветвей, изливавших сладостную свежесть молодой листвы; солнечные лучи лишь местами пронизывали зеленую мглу; под ногой шпажник, касатик, полевые нарциссы, весенний шафран, безымянные цветочки — предвестники тепла — словно шелковыми нитями и позументом расцветчивали пышный ковер

¹ В 1793–1794 годах.

трав, куда вплетался разнообразным узором мох: здесь он извивался, подобно зеленым гусеницам, а там распускался звездами. Солдаты шагали медленно в полном молчании, бесшумно раздвигающая кустарник. Над островами штыков щебетали птицы.

В гуще Содрейского леса некогда, в мирные времена, устраивались ночные охоты на пернатых, ныне здесь шла охота на людей.

Стеной стояли березы, вязы и дубы; под ногами ровная земля; густая трава и мох поглощали шум человеческих шагов; ни тропинки, а если и встречалась случайная тропка, то тут же пропадала; заросли остролиста, терновника, папоротника, шпалеры колючего стельника — и в десяти шагах невозможно разглядеть человека.

Пролетавшая иногда над шатром ветвей цапля или водяная курочка указывали на близость болота.

Люди шли. Шли навстречу неизвестности, боясь найти то, что искали.

Время от времени попадались следы привала: выжженная земля, примятая трава, сбитый из палок крест, окровавленные ветки. Вот там готовили ужин, тут служили мессу, там перевязывали раненых. Но люди, побывавшие здесь, исчезли бесследно. Где они сейчас? Может быть, уже далеко? Может быть, совсем рядом, залегли в засаде с мушкетом в руке? Лес словно вымер. Батальон двигался вперед с удвоенной осмотрительностью. Закон пустыни — недоверие. Не видно никого — тем больше оснований кого-то остерегаться. Недаром о Содрейском лесе ходила дурная слава.

В таких местах всегда возможна засада.

Тридцать grenадеров, посланных лазутчиками под командой сержанта, ушли вперед далеко от основной части отряда. С ними отправилась и батальонная маркитантка. Маркитантки вообще охотно следуют за головным отрядом. Пусть на каждом шагу подстерегает опасность, зато чего только не насмотришься... Любопытство — одно из проявлений женской храбрости...

Вдруг солдаты маленького передового отряда почувствовали тот знакомый охотнику трепет, который предупреждает его о близости звериного логова. Будто слабое дуновение пронеслось над непроходимым кустарником, и, казалось, что-то шевельнулось в листве. Идущие впереди подали знак остальным.

Когда солдаты посланы в дозор или на разведку, офицерам незачем вмешиваться: то, что должно быть сделано, делается само собой.

В мгновение ока подозрительное место было окружено и замкнуто в кольцо вскинутых ружей: черную глубь чащи взяли на прицел со всех четырех сторон, и солдаты, держа палец на курке, не отрывая глаз от подозрительного куста, ждали лишь команды сержанта.

Но маркитантка отважно заглянула под шатер ветвей, и, когда сержант уже готов был отдать команду «пли!», раздался ее крик:

— Стой!

Затем, повернувшись к солдатам, она добавила:

— Не стреляйте, братцы.

Она нырнула в кусты. Солдаты последовали за ней.

И впрямь там кто-то был.

В самой гуще кустарника, на краю круглой ямы, где лесорубы, как в печи, пережигают на уголь старые корневища, в просвете расступившихся ветвей, словно в зеленой горнице, полускрытой, как альков, завесою листвы, сидела на мху женщина; она кормила грудью младенца, а на коленях у нее покоились две белокурые головки спящих детей.

Так вот она, засада!

— Что вы здесь делаете? — воскликнула маркитантка.

Женщина подняла голову.

— Вы, видно, с ума сошли, что сюда забрались! — с яростью проговорила маркитантка и добавила: — Еще минута — и вас бы убили на месте!.. — Повернувшись к солдатам, она пояснила: — Это женщина.

— Будто сами не видим! — отозвался кто-то из гренадеров.

А маркитантка все не унималась:

— Пойти вот так в лес, чтобы тебя тут же убили... Надо ведь такую глупость придумать!

Женщина, оцепенев от страха, с изумлением, словно спросонья, глядела на ружья, сабли, штыки, на свирепые физиономии.

Дети проснулись и захныкали.

— Мне есть хочется, — сказал один.

— Мне страшно, — сказал второй.

Лишь младенец продолжал сосать материнскую грудь. К нему-то и обратилась маркитантка:

— Только ты один у нас молодец.

Мать онемела от ужаса.

— Да не бойтесь вы, — крикнул ей сержант, — мы из батальона Красный Колпак!

Женщина задрожала всем телом. Она взглянула на сержанта: на этом суровом лице выделялись лишь густые усы, густые брови и пылавшие, как уголья, глаза.

— Бывший батальон Красный Крест, — пояснила марки-тантка.

А сержант спросил:

— Ты кто такая, сударыня, будешь?

Женщина, застыв от ужаса, не спускала с него глаз. Она была худенькая, бледная, еще молодая, в жалком рубище; на голову она, как все бретонские крестьянки, накинула огромный капюшон, а на плечи — шерстяное одеяло, подвязанное у шеи веревкой. С равнодушием дикарки она даже не потрудилась прикрыть голую грудь. На сбитых в кровь ногах не было ни чулок, ни обуви.

— Видать, нищенка, — решил сержант.

В разговор снова вмешалась маркитантка; и хотя ее вопрос прозвучал по-солдатски грубо, в нем чувствовалась женская мягкость:

— Как звать-то?

Женщина, заикаясь, невнятно прошептала в ответ:

— Мишель Флешар.

А маркитантка ласково гладила шершавой ладонью головку младенца.

— Сколько же нам времени? — спросила она.

Мать не поняла. Маркитантка повторила:

— Я спрашиваю, сколько ему?

— А-а! Полтора годика, — ответила мать.

— Смотрите какие мы взрослые! — воскликнула маркитантка. — Стыдно такому сосать. Придется, видно, мне отучать его от груди. Мы ему супу дадим.

Мать немного успокоилась. Двое старших ребятишек, проснувшись, смотрели вокруг с любопытством и не думая пугаться. Они залюбовались гренадерскими плюмажами.

— Ах, — вздохнула мать, — они совсем изголодались. — И добавила: — Молоко у меня пропало.

— Еды им сейчас дадут, — закричал сержант, — да и тебе тоже! Не о том речь. Ты скажи нам, какие у тебя политические убеждения?

Женщина смотрела на сержанта, ничего не отвечая.

— Ты что, не слышишь, что ли?

Она пробормотала:

— Меня совсем молодой в монастырь отдали, а потом я вышла замуж, я не монахиня. Святые сестры научили меня говорить по-французски. Нашу деревню сожгли. Вот мы и убежали в чем были, я даже башмаков надеть не успела.

— Я тебя спрашиваю, каковы твои политические убеждения?

— Это вы о чем?

— Пойми ты, сейчас много шпионок развелось. А шпионок расстреливают. Ну, отвечай. Ты не цыганка? Где твоя родина?

Женщина глядела на сержанта, будто не понимая его слов.

Сержант повторил:

— Где твоя родина?

— Не знаю, — ответила женщина.

— Как так не знаешь? Не знаешь, откуда ты родом?

— Где родилась? Знаю.

— Ну, так и говори, где родилась.

Женщина ответила:

— На ферме Сискуаньяр в приходе Азэ.

Тут пришла очередь удивляться сержанту. Он на минуту замолк. Потом переспросил:

— Как ты сказала?

— Сискуаньяр.

— Какая же это родина?

— Это мой край.

Подумав с минуту, женщина сказала:

— Теперь я поняла, сударь. Вы из Франции, а я из Бретани.

— Ну и что?

— Это ведь разные края.

— Но родина-то у нас одна! — закричал сержант.

Женщина упрямо повторила:

— Из Сискуаньяра мы.

— Ну ладно, Сискуаньяр так Сискуаньяр! — согласился сержант. — Твоя семья оттуда?

— Да.

— А что делают твои родные?

— Умерли все. У меня никого нет.

Сержант, видимо любитель поговорить, продолжал допрос:

— У всех есть родные или были, черт возьми! Ты кто такая?

А ну, говори скорее.

Женщина оцепенела: эти «или были» напоминали скорее звериное рычание, чем человеческую речь.

Маркигантка поняла, что пришло время снова вмешаться в беседу. Она погладила по головке грудного младенца и ласково хлопала по щечкам двух старших.

— Как зовут крошку? — спросила она. — По-моему, она у нас девица.

Мать ответила:

— Жоржетта.

— А старшего? Этот сорванец, видать, кавалер.

— Рене-Жан.

— А младшего? Ведь и он тоже настоящий мужчина — гляди, какой щекастый.

— Гро-Алэн, — ответила мать.

— Хорошенькие детки, — заметила маркитантка, — посмотрите только, уже важничают.

Но сержант не унимался:

— Отвечай, сударыня. Дом у тебя есть?

— Был дом.

— Где был?

— В Азэ.

— А почему ты дома не сидишь?

— Потому что его сожгли.

— Кто сжег?

— Не знаю. Война сожгла.

— Откуда ты идешь?

— Оттуда.

— А куда идешь?

— Не знаю.

— Говори толком. Кто ты?

— Не знаю.

— Не знаешь, кто ты?

— Люди мы, спасаемся.

— А какой партии ты сочувствуешь?

— Не знаю.

— Ты синяя? Белая? С кем ты?

— С детьми.

Наступило молчание. Его нарушила маркитантка.

— А вот у меня детей нет, — сказала она. — Некогда было.

Сержант снова приступил к допросу:

— А родители твои? А ну, сударыня, доложи нам о твоих родителях. Меня вот, к примеру, звать Радуб, сам я сержант с улицы Шерш-Миди, мать и отец тоже там жили, я могу сказать, кто такие мои родители. А ты о своих скажи. Говори, кто были твои родители?

— Флешары. Просто Флешары.

— Флешары — это Флешары, а Радубы — это Радубы. Но ведь у человека не только фамилия есть. Чем они занимались, твои ро-

дители? Что делали? Что сейчас подделывают? Что они нафлешарничали, твои Флешары?

— Они землю пахали. Отец был калека, не мог работать с тех пор, как сеньор приказал избить его палками; так приказал сеньор, его сеньор, наш сеньор, это он по доброте велел избить отца за то, что отец подстрелил кролика, а ведь за это полагается смерть, но сеньор наш помиловал отца, он сказал: «Хватит с него ста палок», — мой отец с тех пор и стал калекой.

— Ну а еще что?

— Дед мой был гугенотом. Кюре велел сослать его на галеры. Я тогда еще совсем маленькая была.

— Дальше?

— Свекор мой контрабандой занимался — соль продавал. Король велел его повесить.

— А твой муж чем занимается?

— Сейчас воевал.

— За кого?

— За короля.

— А еще за кого?

— Ну, конечно, за своего сеньора.

— А еще за кого?

— Ну, конечно, за кюре.

— Чтобы вас всех громом порасшибало! — вдруг заорал один из гренадеров.

Женщина даже подскочила от страха.

— Видите ли, сударыня, мы парижане, — любезно пояснила маркитантка.

Женщина в испуге сложила руки и воскликнула:

— О господи Исусе!

— Ну-ну, без суеверий! — прикрикнул сержант.

Маркитантка опустилась рядом с женщиной на траву и усадила к себе на колени старших детей, которые охотно к ней пошли. У ребенка переход от страха к полному доверию совершается в мгновение ока и без всяких видимых причин. Тут действует какое-то непогрешимое внутреннее чутье.

— Бедняжка вы моя, бретоночка, детки у вас такие милые, просто прелесть. Сейчас скажу, сколько им лет. Вот тому, что побольше, — четыре годочка, а младшему — три. А девица эта смотри как сосет, сразу видать, обжора. Ах ты, чудовище этакое! Ты так свою

мамашу совсем скушаешь. Вот что, сударыня, вы ничего не бойтесь. Вступайте-ка в наш батальон. Будете вроде меня. Зовут меня Гусарша. Это мое прозвище. Но по мне, уж лучше Гусаршей зовите, чем мамзель Двурогой, как мою матушку. Я маркитантка, а маркитантки — это, знаете, которые разносят воду, когда стреляют и убивают. А кругом все как в аду кипит. У нас с вами одинаковая нога, я вам свои башмаки подарю. Десятого августа я была в Париже и подавала напиток самому Вестерманну. Вот оно как! Видела своими глазами, как гильотинировали Людовика Шестнадцатого, Луи Капета, так его теперь называют. Ух и не хотелось же ему помирать! Да слушайте вы меня, черт возьми! Подумать только, еще тринадцатого января он на всех страху нагонял, а сам сидел со своим семейством да посмеивался! Когда его силком уложили «на доску», как у нас в Париже говорят, он был без сюртука и туфель, только в сорочке, в пикейном жилете, в серых шерстяных штанах и в серых шелковых чулках. Своими глазами видела. Карета, в которой его везли, была выкрашена в зеленый цвет... Послушайте меня, идите с нами, у нас в батальоне все славные ребята. Будете маркитанткой номер два, я вас живо делу научу. Нет ничего проще — дадут тебе большую флягу и колокольчик, и ты идешь в самое пекло. Пули летают, пушки ухают, шум стоит адский, а ты знай кричи: «А ну, сынки, кому пить охота, а ну?» Говорю вам, дело немудреное. Я, например, всем подряд пить подаю. Ей-богу, правда. И синим, и белым, хотя сама-то я синяя. И самая настоящая синяя. А пить всем подаю. Ведь каждому раненому пить охота. Умирают-то все, без различия убеждений. Перед смертью людям надо бы помириться. Дурацкое это занятие — драться. Идите с нами. Если меня убьют, дело к вам перейдет. Вы по виду не судите, я женщина не злая, и солдат из меня неплохой. Не бойтесь ничего.

Когда маркитантка закончила свою речь, женщина пробормотала:

— Нашу соседку звали Мари-Жанна, а нашу батрачку звали Мари-Клод.

Тем временем сержант Радуб отчитывал гренадера:

— Молчал бы ты! Видишь, даму совсем напугал. Разве при дамах можно чертыхаться?

— Да ведь честному человеку такие слова слушать — прямо нож в сердце, — оправдывался гренадер, — легче на месте поме-

реть, чем такими чудовищами заморскими любоваться: отца сеньор искалечил, ихнего дедушку из-за кюре сослали на галеры, ихнего свекра король повесил, а они, дурьи башки, сражаются, устраивают мятежи, готовы дать себя уложить ради своего сеньора, кюре и короля!

Сержант скомандовал:

— В строю не разговаривать!

— Мы и так не разговариваем, сержант, — ответил гренадер, — да все равно с души воротит смотреть, как такая миленькая женщина сама лезет под пули в угоду какому-то попу!

— Гренадер! — оборвал его сержант. — Мы здесь не в клубе секции Пик. Не разглагольствуйте.

Он снова повернулся к женщине:

— А где твой муж, сударыня? Что он делает? Что с ним случилось?

— Ничего не случилось, потому что его убили.

— Где убили?

— В лесу.

— Когда убили?

— Третьего дня.

— Кто убил?

— Не знаю.

— Не знаешь, кто твоего мужа убил?

— Нет, не знаю.

— Синие убили? Белые убили?

— Ружье убило.

— Третьего дня, говоришь?

— Да.

— А где?

— Около Эрне. Мой муж упал. Вот и все.

— А когда твоего мужа убили, ты что стала делать?

— Пошла с детьми.

— Куда?

— Куда глаза глядят.

— Где спишь?

— На земле.

— Что ешь?

— Ничего.

Сержант скорчил классическую солдатскую гримасу, вздернув пышные усы к самому носу.

— Совсем ничего?

— Ежевику рвали, терн прошлогодний, он еще кое-где на кустах уцелел, чернику ели, побеги папоротника.

— Так. Выходит, что ничего.

Старший мальчик, поняв очевидно, о чем идет речь, сказал:

— Есть хочу.

Сержант вытащил из кармана краюху хлеба — свое дневное довольствие — и протянул ее женщине. Она разломала краюху пополам и дала по куску старшим детям. Те с жадностью принялись уплетать хлеб.

— А себе не оставила, — проворчал сержант.

— Потому что не голодна, — сказал солдат.

— Потому что мать, — сказал сержант.

Мальчики перестали жевать.

— Пить хочу! — сказал один.

— Пить хочу! — сказал другой.

— А в этом чертовом лесу даже ручья нет! — воскликнул сержант.

Маркитантка сняла медную чарку, висевшую у нее на поясе рядом с колокольчиком, отвернула крышку жбана, который она носила через плечо, нацедила несколько капель и поднесла чарку к губам ребенка.

Старший выпил и скорчил гримасу.

Младший выпил и сплюнул.

— А ведь какая вкусная! — сказала маркитантка.

— Ты чем их попотчевала, водкой, что ли? — осведомился сержант.

— И еще какой, самой лучшей! Да ведь они деревенщина.

Она вытерла чарку.

Сержант снова приступил к делу:

— Значит, сударыня, спасаешься?

— Пришлось.

— Бежишь, стало быть, напрямик через поля?

— Сперва я бежала, сколько хватило сил, потом пошла, а потом свалилась.

— Ох вы, бедняжка! — сказала маркитантка.

— Люди всё дерутся, — пробормотала женщина. — Кругом, куда ни погляди, всюду стреляют. А я не знаю, чего кто хочет. Мужа моего убили. Вот это я поняла.

Сержант с силой ударил прикладом о землю и сердито прокричал:

— Какая глупость эта война, прах ее возьми!

Женщина продолжала:

— Прошлую ночь мы в дуплине спали.

— Все четверо?

— Все четверо.

— Спали?

— Спали.

— Спали, — подтвердил сержант, — стоя спали. — Он повернулся к солдатам. — Ребята! Здешние дикари называют дуплиной большое такое дуплистое дерево, куда человек может втиснуться, словно в ножны. Да с них какой спрос! Ведь не парижане.

— Спать в дупле, — повторила маркитантка, — и еще с тремя ребятишками!

— А когда малыши рев поднимали, — промолвил сержант, — вот прохожие, должно быть, дивились: никого вроде не видно — стоит дерево и кричит: «Папа, мама».

— Слава богу, сейчас хоть лето, — вздохнула женщина.

Она опустила глаза, и в ее покорном взгляде отразилось бесконечное удивление перед непостижимым бременем катастроф.

Солдаты молча стояли вокруг, ошеломленные картиной человеческой беды.

Вдова, трое маленьких сироток, бегство, растерянность, одиночество; война, с грозным рыком обложившая весь горизонт; голод, жажда, единственная пища — трава, единственный кров — небо!

Сержант подошел поближе к женщине и поглядел на девочку, прижавшуюся к материнской груди. Малышка выпустила изо рта сосок, повернула головку, уставилась красивыми синими глазками на страшную мохнатую физиономию, склонившуюся над ней, и вдруг улыбнулась.

Сержант быстро выпрямился, крупная слеза проползла по его щеке и, словно жемчужина, повисла на кончике уса.

— Товарищи! — громко произнес он. — Из всего вышесказанного вытекает, что батальону не миновать стать отцом. Согласны? Значит, усыновляем трех малышек.

— Да здравствует Республика! — прокричали гренадеры.

— Решено, — заключил сержант и простер обе руки над матерью и детьми.

— Значит, — сказал он, — отныне это дети батальона Красный Колпак.

Маркитантка даже подпрыгнула от радости.

— Под одним колпаком три головки! — прокричала она.

Потом вдруг зарыдала в голос, горячо поцеловала бедняжку-вдову и проговорила:

— А маленькая-то уже и сейчас, видать, шалунья!

— Да здравствует Республика! — снова крикнули гренадеры.

Сержант повернулся к матери:

— Пойдемте, гражданка.

Книга вторая КОРВЕТ «КЛЕЙМОР»

I

АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ В СМЕШЕНИИ

Весной 1793 года, когда Францию, атакуемую одновременно на всех границах, вдруг отвлекло волнующее зрелище падения жирондистов, вот что происходило в ла-маншском архипелаге.

1 июня, приблизительно за час до захода солнца, на острове Джерсей, в маленькой пустынной бухточке Боннюи, готовился к отплытию корвет, пользуясь туманной погодой, которая благоприятна беглецам, потому что слишком опасна для мирных мореплавателей. Судно это, обслуживаемое французским экипажем, числилось в составе английской флотилии, которая несла службу охраны у восточной оконечности острова. Английской флотилией командовал принц Латур Овернский, из рода герцогов Бульонских, и именно по его приказу корвет был отряжен для выполнения важного и спешного поручения.

Этот корабль, значившийся в списках английского морского ведомства под названием «Клеймор», на первый взгляд казался обычным транспортным судном, хотя в действительности являлся военным корветом. По виду это было прочное, тяжеловесное торговое судно, но горе тому, кто доверился бы внешним приметам. При постройке «Клеймора» преследовалась двоякая цель — хитрость и сила: если возможно — обмануть, если необходимо — драться. Чтобы успешно справиться с предстоящей задачей, обыч-

ный груз заменили тридцатью крупнокалиберными каронадами, занявшими все межпалубное пространство. В предвидении непогоды, а вернее, стремясь придать корвету безобидный вид торгового судна, все тридцать орудий принаитовили или, проще говоря, прикрепили тройными цепями, причем жерла их упирались в закрытые ставни портов; самый зоркий глаз не обнаружил бы ничего подозрительного, тем более что иллюминаторы и люки тоже были задраены; корвет словно надел на себя маску. Каронады устанавливались на лафетах с бронзовыми колесами старинного образца — со спицами. Обычно на военных корветах орудия размещались лишь на верхней палубе, однако «Клеймор», предназначенный для внезапных нападений и засад, не имел открытой батареи, но, как мы уже говорили, мог нести целую батарею на нижней палубе. При своих внушительных размерах и относительной тяжеловесности «Клеймор» был достаточно быстроходен и среди всех прочих судов английского флота славился прочностью корпуса, так что в бою стоил целого фрегата, хотя его низкая бизань-мачта несла только одну бизань. Руль редкой по тем временам,

ВИКТОР ГЮГО
ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД
•
ТРУЖЕНИКИ МОРЯ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Валерия Макарова
Корректоры Валерий Камендо, Дмитрий Капитонов, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.09.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 64,93 (вкл.вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШК филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-1LN-39028-01-R